

Мальчишки с разбегу прыгнули в прохладную воду и с наслаждением поплыли, смывая дорожную усталость.

— Гоудань-гэ, глянь, на макушке грязь осталась? — спросил Ван Сюань.

Сам по себе он был довольно чистоплотным, а тут, когда они провалились в ту подземную яму, грязная жижа облила его с ног до головы, и теперь волосы слиплись в жесткие, неопрятные сосульки.

Гоудань старательно взъерошил ему вихры, вымывая землю, а потом подставил под ладони друга собственную голову и спину.

Ван Сюань принялся усердно стирать свою одежду. Что же до Гоуданя... его штаны изорвались до такой степени, что надеть их было уже невозможно. Поэтому он занялся посудой.

Да-да, той самой стопкой тарелок, что они утащили с собой. Дранные штаны, негодные для носки, Гоудань кое-как прополоскал и швырнул сушиться на прибрежные камни — потом пригодятся, можно будет нарезать на лоскуты для заплаток. Домой он решил возвращаться прямиком нагишом: дело привычное, деревенская детвора летом и не так бегала.

Посуду они отмыли дочиста. Налипшую на донышках вековую грязь Гоудань легко содрал, зачерпнув пригоршню речного песка.

— Слышь, Ван Сюань, теперь мы с отцом тоже из новой посуды есть будем. Гляди, какая красивая, получше твоей! И тарелочки есть — под закуску пойдут. Жалко только, маловаты да мелковаты.

Гоудань вздохнул, и Ван Сюань сочувственно кивнул. Тот вытащил из пазухи загадочный кубок, похожий на пиалу, и тоже сполоснул его — парень уже сообразил, как обращаться с безделицей, чтобы внутри не затекала вода.

Заодно ополоснули и нефритовое кольцо лучника. Свое сокровище Гоудань отдал на хранение другу, ведь в его изодранных в клочья портах карманов давно не осталось.

А в деревне тем временем поднялся невообразимый переполох. Поговаривали ведь, что Гоудань с Ван Сюанем сгинули без вести, даже косточек не осталось — помянуть и то негде. А тут, гляди-ка, живехоньки!

Старухи да кумушки шушукались по углам, а кое кто и вовсе перепугался до смерти.

— Да не мелите вы чепуху! Говорите толком, где их видели? Неужто Гоудань цел-невредим и домой воротился?

Селяне призадумались. И то верно.

Люди невольно задирали головы к небу: пусть дело шло к вечеру, но солнце еще стояло над горизонтом. Какая же нечисть покажется при свете дня? Тем более — свежие покойники.

— Значит, живой наш сорванец? Батюшки мои, ну и натерпелись же мы страху!

— Да где вы их заприметили-то?

— На окраине, у речного брода!

Оно и понятно: в мыслях сельчан мальчишек давно похоронили, вот и померещилось с перепугу, будто призраки воротились в родные избы. Сколько ни тверди про научный подход да борьбу со старыми суевериями, сколько ни круши алтари, а в глубине души простой люд все равно верил в запредельное и таинственное. Оттого и вышла давешняя сумятица — вместо радости от спасения все сперва решили, что повстречали выходцев с того света.

— Ну-ка, пусть кто-нибудь сбегает к Ли Сы, обрадует бедолагу! Скажите, воротился его сынок, живой-здоровый! — распорядился старый староста и на всякий случай веско повторил: — Именно что живой!

После этого он повел толпу к ручью. Кое-кто из баб все еще боязливо жался к спинам мужчин.

А Гоудань с Ван Сюанем тем временем сидели рядышком на корточках у самой воды и любовались свежeweымытой посудой. Вид у обоих был крайне довольный.

По правде говоря, Гоудань, конечно, радовался диковинкам, которые они добыли в таинственной пещере, но проку от пространственного кармана пока не видел — прятать ему туда было особо нечего. Истинной ценности волшебных артефактов мальчишка еще не осознавал, поэтому куда больше его сердцу милы были обыкновенные тарелки. Такие чистые, гладкие! Положи в них до краев белого риса да жирного мяса — вот где будет настоящая красота.

Когда толпа вывалила к берегу, перед ними предстали двое абсолютно голых мальчишек, беззаботно плещущихся в прозрачной воде.

— Гоудань! Ван Сюань! Вы... вы что, живые?! — выпалил староста и тут же прикусил язык,

сообразив, какую глупость сморозил.

— Живее всех живых! — откликнулся Гоудань.

— И правда люди, из плоти и крови... — зашептали в толпе.

Берег мгновенно наполнился гулом голосов. Гоудань растерялся: они ведь просто залезли искупаться, с чего вдруг столько народу сбежалось поглазеть на их голые задницы?

— Дедушка староста, ты чего?

— Ох, Гоудань... Живой, шельмец! Слава небу, живой! — Староста сначала растрогался чуть не до слез, но, вспомнив, как убивался Ли Сы, мигом распалился от гнева: — Ах вы негодники! Отца своего в могилу свести решили?!

— О чем это ты? — насупился Гоудань. — Как я его погубил? Дома же сидел, живой-здоровый. Что с ним сделается-то?

Староста не успел ответить — толпа расступилась, и вперед с ревом вылетел Ли Сы. Он набросился на сына, стиснул его в объятиях и разрыдался навзрыд, размазывая по лицу слезы вперемешку с соплями. Это был настоящий, безутешный плач пострадавшего родителя. Мальчишки не на шутку перепугались. С чего вдруг такая буря?

Сердобольные односельчане дружно вытащили пацанов из воды. Осмотрели со всех сторон — слава богу, все цело, руки-ноги на месте, ни царапины.

Гоудань брыкался и орал на всю округу, требуя, чтобы его отпустили: ему ведь непременно нужно было забрать выстиранные порты и драгоценную стопку тарелок. Ван Сюань же сориентировался куда быстрее. Почуввав неладное, он крепко прижал к груди мокрую одежду, в которой были надежно припрятаны их сокровища, и безропотно позволил унести себя в сторону деревни.

Мужики дружно захохотали: раз малец так заливисто орет, значит, силенок у него хоть отбавляй. Кто-то подобрал с камней его лохмотья и сияющие чистотой тарелки. Ли Сы стискивал сына так крепко, словно боялся, что тот снова растворится в воздухе. Ему было плевать на пересуды и косые взгляды. Лишь переступив порог родного дома, он неохотно разжал руки, уступая яростному сопротивлению запыхавшегося сына.

— Ну и что стряслось-то? — недовольно ворчал Гоудань, отряхиваясь. — Чего вы на меня устались всей гурьбой?

Да еще и щупали по дороге, проверяли, теплый ли! Ну не глупость ли? Конечно, теплый, на улице лето!

— Да как же! Вы ушли со двора и пропали на целые сутки! Мы уж грешным делом подумали, что вас дикие звери в горах задрали. Ты на отца своего посмотри...

Гоудань совсем растерялся. Какие еще сутки? И что с отцом? Присмотревшись к Ли Сы, он так и замер с открытым ртом:

— Пап... ты чего? Отчего ты так осунулся? И волосы... побелели совсем?

Не успел он договорить, как сзади прилетела тяжелая ладонь старосты. Гоудань покачнулся, едва удержав равновесие.

— А ты как думал, малец? Из-за вашего побега все решили, что вас волки сожрали. Твой отец от горя за одну ночь поседел!

— Да не бездельничали мы! Мы побеги бамбука копали... — Гоудань осекся и опустил взгляд на свои пустые ладони. Переглянулся с Ван Сюанем. Тот уже успел натянуть влажную одежду и незаметно ощупывал карман, проверяя сохранность их тайных находок. Поняв, что добычу они растеряли, Гоудань возмущенно запрыгал на месте: — Да нас обокрали! Вот почему ничего нет!

— Обокрали? Да кто же? И что стащили-то?

— Дикие абрикосы! И бамбук, целый ворох! Мы еще гнездо нашли с птичьими яйцами!

— Уж не это ли? — усмехнулся один из соседей, вытаскивая из угла избушки плетеную корзину, на дне которой сиротливо поблескивали три подсохших ростка бамбука.

— Наша корзина! — взвился Гоудань, гневно округлив глаза. — Откуда она у тебя? Твоих рук дело, воришка?!

— Ты попрдержал бы язык, сорванец! Мы эту корзину вместе с твоим отцом в лесу подобрали, когда вас искали. Где вас черти носили, а? Сквозь землю провалились! Вы хоть понимаете, что вас не было со вчерашнего утра? Две ночи и день целый прошли!

— Да ладно врать-то! — не поверил Гоудань. — Мы только сегодня на рассвете из пещеры вылезли и сразу домой прибежали. Я же отцу записку оставил, куда иду! Какие еще две ночи?

Сельчане недоуменно переглянулись.

— Ладно, допустим, — подал голос кто-то из толпы. — Но если вы бамбук копали на горе, то почему мы вас там не застали? Весь склон прочесали — пусто!

Гоудань поймал предостерегающий взгляд Ван Сюаня и слегка стушевался.

— Мы... — несмело пролепетал Ван Сюань, — мы в заброшенный колодец провалились.

— Во-во! — подхватил Гоудань, мгновенно обретая былую уверенность. — В старый колодец рухнули, еле живы остались! А вы нас даже не вытащили!

— В колодец?!

— Батюшки, так вот оно что... Не покалечились хоть?

Ли Сы в панике схватил сына, поворачивая его во все стороны и ощупывая бока.

— Да цел я, пап, цел, — отмахивался Гоудань. — Колодец сухой оказался. А потом ливень хлынул, вода прибывать стала, вот мы и перебрались в боковую пещеру, чтобы не утонуть. Там и пересидели непогоду, а потом дорогу на волю отыскиали.

— И все это время вы сидели в подземелье?

— Ну да. Там сухо было, а наружу соваться побоялись.

— Тогда понятно, почему наши поиски ни к чему не привели, — закивали мужики. — Но как же вы оттуда выбрались-то в темноте?

— Сами не знаем. Устали сильно, уснули, а как проснулись — пошли на свет и вылезли.

Похоже, рассказ мальчишек показался всем вполне правдоподобным: провалились в какую-то подземную галерею под старой разрушенной кумирней, заплутали, проспали кучу времени, а потом случайно наткнулись на лаз наружу.

— Ну, главное — живыми вернулись, — рассудил староста. — Дети малые, откуда им в крошечной тьме счет часам вести? Небось показалось, что пара часов прошла, а на деле сутки пролетели.

— Точно-точно, там темнотища была... хотя местами вроде и светилось что-то, — невпопад буркнул Гоудань.

На его путанные слова никто не обратил внимания. Все знали, что на Горе Красной Вершины полно скрытых пещер и провалов, оставшихся от древних построек. Мужики лишь сурово погрозили сорванцам пальцами и строго-настрого запретили соваться к развалинам, дабы снова не загреметь в яму.

Ребята вовсе не собирались обманывать взрослых, но о встрече с бессмертным покровителем и сокровищах следовало молчать как рыбам. Из-за возраста они и так изъяснялись сбивчиво, перескакивая с одного на другое, так что их путанный рассказ сошел за обычный детский лепет. Уставшие от многочасовых поисков крестьяне не горели желанием расспрашивать подробнее, и расспросы быстро сошли на нет.

Ли Сы за все время не проронил ни слова. Он лишь тихо улыбался, не выпуская плечи сына из своих огрубевших ладоней. Лишь когда у Гоуданя протяжно заурчало в животе, отец спохватился и засуетился, спеша разогреть нехитрый обед, который им сердобольно принесли соседки.

Мальчишки вымотались до предела. Наскоро поев, они завалились на жесткие нары и мгновенно провалились в глубокий, безмятежный сон. Спали они без задних ног и проснулись только на следующее утро, разбуженные настойчивым зовом природы.

Накануне поздно вечером, пока Гоудань спал беспробудным сном, Ли Сы тихо выскользнул из дома и постучался в калитку старосты. Тот уже укладывался спать и не на шутку встревожился, решив, что спасенному Ван Сюаню или самому Гоуданю снова сделалось худо.

Ли Сы долго мялся на пороге, переминался с ноги на ногу и наконец, тяжело отдуваясь, выдавил из себя: он больше не намерен держать Ван Сюаня в своем доме. Староста оторопел от неожиданности:

— Да ты что такое говоришь, Ли Сы? С ума сошел, что ли? Неужто опять наслушался сплетен деревенских кумушек? Дети ведь вернулись целыми и невредимыми! К чему теперь старое поминать?

Ли Сы лишь упрямо насупился и промолчал, всем своим видом показывая нерушимость принятого решения. Старый староста тяжело вздохнул: если уж этот упрямец уперся рогом, насильно сироту ему не навяжешь.

— А с Гоуданем ты советовался? — хмуро поинтересовался староста. — Парень ведь костями ляжет, а друга не отпустит.

— Он еще мал... глуп, не смыслит ничего в жизни, — буркнул Ли Сы.

— И все же поговори с ним сначала. У твоего сына характер кремнёвый, чуть что не по нему — такой тарарам устроит, на всю деревню греметь будет. Справишься ли ты с ним тогда?

Ли Сы промолчал, и староста понял: дело решено окончательно, спорить бесполезно.

Когда незванный гость ушел, староста долго сидел в темноте, обхватив голову руками. Горемыка Ван Сюань... Куда теперь приткнуть сироту? Его собственная семья тоже едва сводила концы с концами, лишний рот им было не прокормить.

Жена старосты, видя его мучения, негромко подала голос с печи:

— Слушай, а может, пристроить мальчонку в добрые руки? У меня на родине, в соседней деревне, живет бездетная семья, давно о сыне мечтают. Хочешь, съезжу разузнаю?

Староста кивнул. Пожалуй, это был единственный разумный выход.

Гоудань и понятия не имел, какие тучи сгущаются над их дружбой. Облегчившись спозаранку, он первым делом потребовал у отца еды. Наскоро позавтракав вместе с Ван Сюанем, мальчишки сломя голову помчались на сушильный ток — сегодня там намечалось долгожданное событие: раздел зерна нового урожая.

Гоудань твердо вознамерился караулить мешки с самого утра, чтобы караван выданного зерна благополучно дошел до их амбара, а то ведь вредная Старая госпожа Ли непременно попытается умыкнуть добрую половину доли в пользу своих любимчиков.

На току было шумно и весело. Лица крестьян, обычно угрюмые и иссушенные тяжелым трудом на солнцепеке, сегодня светились искренней радостью. Все оживленно переговаривались, прикидывая на пальцах, сколько зерна причитается на их долю и какую сумму удастся выручить за заработанные рабочие баллы.

Мальчишки уселись прямо на пустые холщовые мешки, притащив с собой огромные плетеные короба. Староста взобрался на деревянную трибуну и затянул привычную торжественную речь о трудовых подвигах коммуны. Слушали его вполуха, но из вежливости согласно кивали, а в самые воодушевляющие моменты дружно взрывались одобрительным гулом — уж очень всем не терпелось поскорее увидеть весы в действии. Политическая пропаганда в такое утро залетала в одно ухо и без задержки вылетала в другое.

Раздача, разумеется, не обошлась без споров и мелких склок. Те, кто часто брал отгулы или задолжал коммуне зерно с прошлых лет, непременно лезли качать права, жалуясь на якобы неверный подсчет рабочих баллов. Учетчик рабочих баллов выставил перед носом недовольных амбарную книгу с какими-то одной ему понятными каракулями. Пока улаживали эти недоразумения да пересчитывали палочки, солнце успело перевалить за полдень. До семьи Ли Сы очередь дошла лишь к самому вечеру.

Но Гоудань ничуть не расстроился. Счастливый донельзя, он вместе с Ван Сюанем преданно охранял их мешки, пока Ли Сы, обливаясь потом, охапками перетаскивал тяжелую ношу на коромысле домой. Старой госпоже Ли, крутившейся неподалеку, так и не удалось урвать ни

горсти.

Оказавшись дома, Гоудань с разбегу плюхнулся на тугие холщовые бока мешков и со смехом покатился по ним. Вид полных закромов наполнял его детское сердце тихим восторгом. Через пару дней обещали выдать еще и сладкого батата, так что голодная зима им точно не грозила. Мальчик уже мысленно распределял запасы, высчитывая, по сколько горстей риса нужно варить в день, чтобы безбедно дотянуть до следующей жатвы.

<http://bllate.org/book/19654/1983935>